

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т. Л. МАЙБОРОДА

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

В статье обосновано применение институциональной методологии для анализа гендерного неравенства. Модель гендерной асимметрии социального и человеческого капитала в общем виде описывает, как институт гендерного неравенства в рамках общей институциональной среды хозяйственной системы влияет на взаимную конвертацию социального, человеческого и экономического капиталов, а также на процессы по их формированию и использованию. Это позволило определить перспективы дальнейших исследований и рассмотреть некоторые особенности их использования в экономике Республики Беларусь.

Ключевые слова: гендерная асимметрия; человеческий капитал; социальный капитал; институциональный анализ.

УДК 338.23

В 60–70-е гг. XX в. теоретическое осмысление гендерной проблематики в экономике переросло в формирование отдельного поля исследований «гендерная экономика», которое призвано обеспечить качественное приращение экономической науки, так как без учета гендера невозможно претендовать на полноту объяснения экономических процессов.

Предметом изучения гендерной экономики является исследование источников, масштабов и механизмов проявления различий между мужчинами и женщинами как экономическими субъектами. Дж. Джакобсен конкретизирует предметную область гендерной экономики как рассмотрение трех основных проблем, связанных с гендером:

- теоретические модели, которые включают мужчин и женщин;
- эмпирические исследования, направленные на исследования общности и различий в экономическом положении мужчин и женщин;
- анализ экономической политики, которая различным образом затрагивает каждый из полов [1, 239].

В предметную сферу гендерной экономики входят также экономика домашнего хозяйства, экономические аспекты репродуктивного поведения и

Татьяна Леонидовна МАЙБОРОДА (mtv_1@tut.by), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

воспитания детей, положение женщины на рынке труда, изучение женского вклада в формальную и неформальную экономику, женская занятость и безработица, экономические аспекты дискриминации по признаку пола, а также влияние процессов модернизации и структурных преобразований на положение женщины.

Значимость гендерных экономических разработок на практике достаточно высока. Например, в рамках Всемирного банка созданы Гендерный сектор и Гендерная консультативная группа, реализуются проекты по поддержке женщин. В 2012 г. 83 % всех грантов и кредитов банка были выделены на гендерно-чувствительные проекты, а в 2015 г. представлена «Гендерная стратегия 2016—2023: гендерное равенство, сокращение бедности и инклюзивный рост» [2]. Аналогичный программный документ утвердило правительство Республики Беларусь — Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Беларуси на 2017—2020 гг., где главной целью выступает развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества [3].

Методологический подход. Гендерный анализ выявляет границы и возможности методологии неоклассической теории и ее положений. Например, принятая в неоклассической теории модель «*homo economicus*» предполагает, что определяющими детерминантами поведения человека являются независимость и личный интерес; на него не оказывают влияния общение и взаимодействие с другими людьми; он лишен эмоциональных связей с другими людьми. Такая «модель изолированного индивида» с точки зрения гендерной экономики представляется неоправданной универсализацией экономического поведения и социального опыта мужчин.

Параллельно с развитием гендерных научных исследований формируется школа «экономического империализма», в рамках которого Г. Беккер и Т. Шульц стали рассматривать семью и домашнее хозяйство по аналогии с рыночным сектором. Но в рамках традиций данной школы использовались такие предпосылки и подходы, которые критикуются представителями гендерной экономической теории как формы андроцентризма [1, 245]. Традиционное разделение труда в рамках семьи предстает как эффективное и взаимовыгодное, а внутрисемейные экономические отношения — как бесконфликтные и гармоничные. Семья рассматривается как неделимая экономическая единица, как группа людей, максимизирующих единую функцию полезности. Механизм специализации на рыночной и вне рыночной деятельности, который закрепляет жесткую систему разделения труда внутри семьи, не объясняет слабую зависимость объема домашних обязанностей от трудовой нагрузки жены и ее профессионального статуса [1, 247].

Многие исследователи гендерной экономики считают наиболее перспективными методологию институциональной теории, так как они разделяют тезис о том, что за безличным механизмом рынка стоят определенные социальные интересы и властные структуры, а также то, что существование различных норм и институтов оказывает значительное влияние на развитие общества.

В рамках теории контрактов брак рассматривается как отношенческий контракт, где существуют преимущества и недостатки семейной организации в области мотивации и контроля, а также особую роль играют альтруизм и семейная лояльность. Хорошие теоретические результаты были достигнуты путем применения трансакционного подхода к таким гендерным понятиям, как «семья» и «брак». Р. Поллак рассматривает семью как управляемую структуру, способствующую снижению трансакционных издержек и рисков [4, 58]. В ряде случаев эффект проживания в семье может не только снижать риски, но и повышать их (проблема «морального риска»).

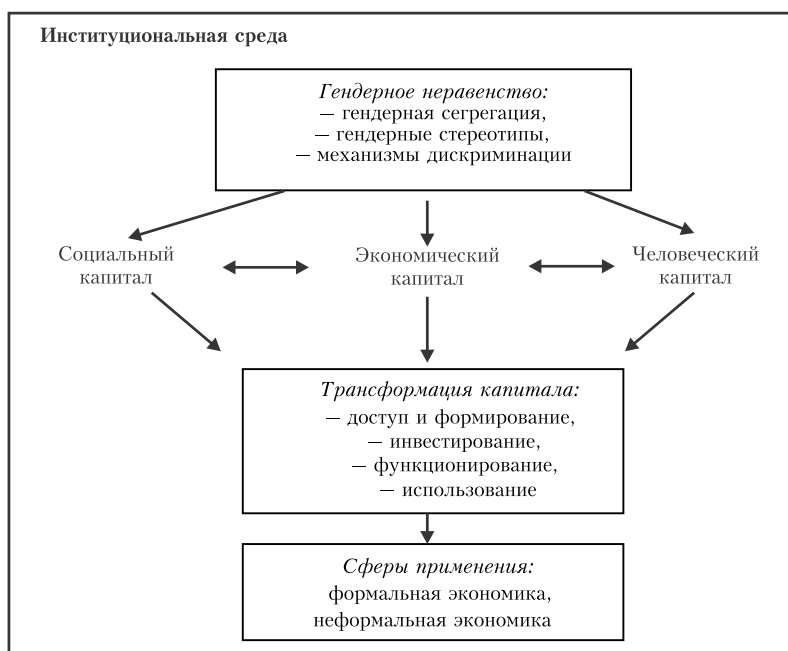
Таким образом, институциональные исследования хорошо раскрывают классические для гендерных исследований ситуации, когда власть, капитал, экономические ресурсы производятся и распределены неравномерно, качественно различны по характеру.

Анализ форм и проявлений гендерного неравенства. Тема гендерных аспектов человеческого капитала неплохо изучена, тогда как литература по социальному капиталу практически не затрагивает вопроса гендера: мало внимания уделяется специфике гендерных стратегий в общественных группах, членства или исключения из более влиятельных и ресурсоемких сетей обмена.

Сложившиеся социальные практики определяют механизмы функционирования общества, а проблема гендерного неравенства может рассматриваться в рамках теории институциональных ловушек и зависимости от прошлой траектории развития, т. е. как неэффективная устойчивая норма, неэффективный институт и неэффективные равновесия, порождаемые соответствующей нормой.

Гендерное экономическое неравенство также можно представить как институт по причине его социальной сконструированности, наличию определенных повторяющихся практик, «рутин», формальных и неформальных норм. Для того чтобы обосновать возможность выделения гендерного неравенства в самостоятельной институциональной форме, обратимся к классической статье Дж. Серла, где институт определяется через конститутивные правила, которые не регулируют, а конструируют поведение. Главная роль институтов — не просто ограничение действий, а создание новых видов отношений власти и влияния [5, 3].

Модель гендерной асимметрии социального и человеческого капитала в общем виде описывает, как институт гендерного неравенства в рамках общей институциональной среды хозяйственной системы влияет на взаимную конвертацию социального, человеческого и экономического капиталов, а также на процессы по их формированию, использованию и функционированию с учетом дальнейшего их применения в формальной и неформальной экономике (см. рисунок).

Модель гендерной асимметрии человеческого и социального капитала

В рамках данной модели рассматривается взаимная конвертация человеческого, социального и экономического капиталов по П. Бурдьё [6, 245]. Эта

конвертация подразумевает, что для создания, инвестирования и использования социального и человеческого капитала нужны затраты экономического капитала, а эффективное распоряжение человеческим и социальным капиталом имеет целью получение прибыли и наращивание экономического капитала.

Институт гендерного неравенства оказывает влияние как на уровень различных видов капитала экономических субъектов, так и на возможности по их конвертации и трансформации. Применение этих капиталов в различных сферах экономической деятельности позволяет оценить гендерную асимметрию формального и неформального сектора экономики. Рассмотрим подробнее элементы модели.

Институциональная среда хозяйственной системы — это совокупность норм поведения ее ключевых элементов (доминируют неформальные нормы). Е. Балацкий считает, что структура этой среды определяется вектором долевых коэффициентов лиц, придерживающихся эффективного кодекса поведения [7, 59]. Со временем структура может меняться в зависимости от долевых коэффициентов того или иного кодекса поведения. Если эффективный кодекс доминирует, то оболочка эффективна, а если увеличивается доля — система прогрессирует.

Институт гендерного неравенства, с одной стороны, закрепляет существующий социально-экономический порядок и отражает различные практики и мотивации экономических субъектов, с другой стороны, — способствует неэффективному использованию человеческого потенциала в рамках экономической системы и несправедливое распределение экономических ресурсов и власти. В качестве базовых характеристик гендерного неравенства нами выделены гендерная сегрегация, стереотипы и дискриминация.

Гендерная сегрегация (разделение на профессиональные, ролевые и статусные группы по признаку пола) описывает ситуацию формирования социального и человеческого капитала в рамках изолированных женских и мужских групп, обладающих различным «коллективным капиталом» и его капитализацией.

Гендерные стереотипы сужают область выбора и свобод экономических агентов, особенно если они закреплены в формальных нормах и правилах. Сюда входят: социальные нормы (ожидания) относительно экономических ролей мужчин и женщин, заставляющие выбирать соответствующее место в определенном секторе и профессионально-квалификационной структуре экономики; корпоративные правила и стереотипы, которые отражают правила профессионального сообщества, сформированного по принципу мужских социальных сетей, увеличивают издержки женщин на встраивание в эти сети.

Гендерная дискриминация может рассматриваться в разных формах. Например, в области занятости существует дискриминация по зарплате (когда за равноценный труд мужчины и женщины получают неравное вознаграждение); профессиональная и статусная сегрегация (когда имеет место неравный доступ к получению престижных профессий и должностей); дискриминация на уровне предпочтений (когда работодатели считают одних работников лучшими, без связи с образованием и опытом); статистическая дискриминация (основанная на стремлении распространять на отдельных женщин свойства и характеристики, которые они считают присущими всем представителям данного пола).

В рамках различных процессов трансформации капиталов может проявляться влияние института гендерного неравенства:

- *доступ и формирование.* Женщины и мужчины, как правило, имеют отдельные социальные сети и доступ к смешанным сетям. Характеристики этих сетей могут сильно отличаться, как и возможности доступа. Также профессиональная сегрегация или гендерные стереотипы могут оказывать сильное влияние на величину формируемого у индивида человеческого капитала, а также на его доступ к определенному образованию;

• *инвестирование*. Учитываются как семейные инвестиции родителей в социальный и человеческий капитал детей разного пола, так и характер самостоятельных инвестиций индивида. Степень гендерной асимметрии инвестиций зависит от сигналов на стадии использования капиталов — сложившаяся ситуация на рынке труда или в сфере производства может сводить на нет стимулы к инвестированию для женщин;

• *функционирование*. Специфика функционирования накопленного социального и человеческого капитала выявляется через опыт конкретных стран, групп или индивидов в определенном временном отрезке, так как общая институциональная среда, культура и политико-экономические реалии оказывают большое влияние на этот процесс;

• *использование*. Непосредственное получение выгод и ресурсов (материальных и нематериальных) на стадии использования человеческого и социального капитала также подвергается воздействию института гендерного неравенства. Механизмы дискриминации могут в значительной степени препятствовать извлечению экономических выгод из связей и полученных знаний.

Под *формальной экономикой* понимается система рыночных обменов, на которую влияют жесткие формальные институты и которая имеет статус легализованной. Под *неформальной экономикой* понимается теневая и криминальная экономика, а также домашняя экономика и экономика межсемейных нерыночных обменов. Структурной основой неформального экономического поведения являются социальные сети.

Верификация предложенной модели возможна через наблюдение и регистрацию существующих различий в уровнях социального и человеческого капитала мужчин и женщин.

Например, гендерные диспропорции в уровне образования в пользу женщин не обеспечивают равенства в экономическом и социальном положении мужчин и женщин. Механизмы скрытой дискриминации на рынке труда обесценивают высокий уровень женского образования. Иносказательно женщинам приходится бежать еще быстрее мужчин, надеясь прийти к финишу вместе с ними.

В настоящее время в Беларуси женщины составляют 54 %, их доля будет, видимо, увеличиваться в дальнейшем по ряду причин (в частности, продолжительность жизни женщин на 10 лет опережает продолжительность жизни мужчин). Больше женщин занято в трудоспособном возрасте, чем мужчин (84,8 и 78,1 % соответственно). Кроме того, женщины в Беларуси лидируют с точки зрения образовательного потенциала: высшее и среднее профессиональное образование имеют 59,8 % работающих женщин и только 42,2 % работающих мужчин. При этом разрыв в оплате труда в пользу мужчин сохраняется на уровне 25 % [8]. При наличии серьезного потенциала женщины по-прежнему заняты в наименее оплачиваемых сферах.

Если исследовать применение накопленного капитала в неформальной экономике, то следует посмотреть на бюджет времени мужчин и женщин. В современном обществе время становится наиболее важным и дефицитным ресурсом человека, а бюджет времени — одним из наиболее информативных показателей образа и уровня жизни. Женщины затрачивают на неоплачиваемую домашнюю работу в два раза больше времени, чем мужчины — в среднем, 4,07 и 1,57 часов в день соответственно. Средняя продолжительность рабочего времени мужчин на 1,5 часа больше женского (на 30 %) [8]. В результате бюджет свободного времени работающей женщины меньше, чем бюджет свободного времени мужчины. Такое распределение домашней работы обеспечивает мужчинам преимущество, в том числе в профессиональной сфере, так как они больше отдыхают (лучше восстанавливаются) и имеют больше возможностей для профессионального развития.

Для государств с переходной экономикой проблемы эффективной занятости и обеспечения роста производительности труда являются одними из наиболее актуальных. Заккрытие крупных предприятий, бюджетных научных и исследовательских организаций сопровождается высвобождением работающих и прежде всего женщин, что может приводить к феминизации бедности и высокой доле безработных среди женщин.

Пока уровень и скорость преобразований невысоки, в Беларуси нет широкомасштабной феминизации бедности. Однако в силу демографических и культурных причин женщины преобладают в двух наименее обеспеченных социальных группах — одиноких родителей с детьми и одиноких пенсионеров в сельской местности. По статистическим данным, наличие детей является основным фактором риска бедности [8].

Опыт государств, достигших определенных успехов в рыночных преобразованиях, свидетельствует, что одним из наиболее действенных инструментов перераспределения рабочей силы в соответствии с потребностями реформируемой экономики, повышения ее мобильности и качественного потенциала является развитие частного предпринимательства и самозанятости. Итак, в условиях транзитивной экономики активизация предпринимательской деятельности женщин является наиболее эффективным способом обеспечения их экономической самостоятельности и преодоления гендерного неравенства. Определенные шаги в этом направлении с международным участием уже ведутся с 2010 г.: программа «Женщины в бизнесе» снова возобновлена Европейским банком реконструкции и развития в 2016 г. в партнерстве с Белинвестбанком. В 2015 г. женщины составили 34,7 % общего количества граждан, получивших субсидии для организации предпринимательской деятельности [3].

Противоречивая обстановка с развитием среднего и малого бизнеса в Беларуси вызывает сомнения в возможности предоставить женскому бизнесу благоприятные условия. На данном этапе большее значение имеет формирование благоприятных условий для всего малого и среднего бизнеса, чем специальные гендерные программы, поскольку они будут неэффективны. С 2012 г., число убыточных предприятий в Республике Беларусь возросло, а чистая прибыль микро-, малых и средних предприятий снизилась [9], что ставит вопрос о комплексных мерах по поддержке предпринимательства в целом и изменении институциональной среды их функционирования.

Таким образом, гендерный анализ, используя инструментарий институционализма, позволяет дополнить и уточнить существующие положения теорий человеческого и социального капитала.

Модель гендерной асимметрии социального и человеческого капитала в общем виде описывает, как институт гендерного неравенства в рамках общей институциональной среды хозяйственной системы влияет на взаимную конвертацию социального, человеческого и экономического капиталов, а также на процессы по их формированию, использованию и функционированию с учетом дальнейшего их применения в формальной и неформальной экономике.

В Республике Беларусь, несмотря на наличие серьезного образовательного потенциала, женщины по-прежнему заняты в наименее оплачиваемых сферах и находятся в группе риска при более решительных рыночных реформах. Для изменения структуры и эффективности занятости женского населения наиболее перспективным является поддержка женского предпринимательства. Однако программы поддержки будут иметь положительный результат только в случае формирования благоприятных условий для всего малого и среднего бизнеса.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Мезенцева, Е. Б. Гендерная проблематика в экономической теории / Е. Б. Мезенцева // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие : в 2 ч. / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков : ХЦГИ; СПб. : Алетейя, 2001. — Ч. 1. — С. 238–276.

Mezentseva, E. B. Gendernaya problematika v ekonomicheskoy teorii [Gender issues in economic theory] / E. B. Mezentseva // Vvedenie v gendernyie issledovaniya: ucheb. posobie : v 2 ch. / pod red. I. A. Zherebkinoy. — Harkov : HTsGI; SPb. : Aleteyya, 2001. — Ch. 1. — P. 238–276.

2. Gender Strategy 2016–2023: Gender Equality, Poverty Reduction, and Inclusive Growth [Electronic resource]. — Mode of access: <http://documents.worldbank.org/>. — Date of access: 20.02.2017.

3. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file59fe04a05ce85ea9.pdf>. — Дата доступа: 15.02.2017.

4. *Поллак, Р.* Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства / Р. Поллак // THESIS: Мужчина, женщина, семья. — 1994. — № 6. — С. 50–76.

Pollak, R. Transaksionnyi podhod k izucheniu semyi i domashnego hoziaistva [A Transactional Cost Approach to Families and Households] / R. Pollak // THESIS: Muzchina, zhenschina, semya. — 1994. — N 6. — P. 50–76.

5. *Searle, J. R.* What is an Institution? / J. R. Searle // Journal of Institutional Economics. — 2005. — Vol. 1. — N 1. — P. 1–22.

6. *Bourdieu, P.* The forms of capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J. Richardson. — NY : Greenwood, 1986. — P. 241–258.

7. *Балацкий, Е.* Институциональные конфликты в сфере высшего образования / Е. Балацкий // Высшее образование сегодня. — 2005. — № 11. — С. 56–62.

Balatsky, E. Institucionalnye konflikty v sfere vyshego obrazovaniya [Institutional conflicts in sphere of higher education] / E. Balatsky // Vysshee obrazovanie segodnia. — 2005. — N 11. — P. 56–62.

8. Женщины и мужчины Республики Беларусь : стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. — 217 С.

9. Малое и среднее предпринимательство Республики Беларусь : стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. — 368 С.

TATIANA MAIBARADA

**GENDER ASYMMETRY OF HUMAN
AND SOCIAL CAPITAL**

Author affiliation. *Tatiana MAIBARADA* (mtv_1@tut.by), *Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The article substantiates application of the institutional methodology for the analysis of gender inequality. The model of gender asymmetry of social and human capital in general terms describes how the institution of gender inequality within the overall institutional framework of the economic system affects the mutual conversion of social, human and economic capital, as well as processes of their formation and use. This allowed identification of the prospects for further research and to consider some peculiarities of their use in Belarusian economy.

Keywords: gender asymmetry; human capital; social capital; institutional analysis.

UDC 338.23

*Статья поступила
в редакцию 27.02. 2017 г.*